

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

НИКОЛАЙ
ДМИТРИЕВ

НА
ТОРНЫЙ
ПУТЬ

Россия державная

Николай Дмитриев

На торный путь

«ВЕЧЕ»

2019

Дмитриев Н. Н.

На торный путь / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ», 2019 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-7926-7

По Прутскому миру Россия потеряла свои завоевания на юге, и царь Пётр, после победы над Швецией, начал готовить новую войну с турками, но не успел. При его преемниках всё пошло прахом, дело дошло до того, что знать в лице восьми «верховников» надумала, ограничив власть царя «кондициями», править самостоятельно. Государыня Анна Иоанновна, опираясь на поддержку гвардии, разорвала «кондиции», став самодержавной императрицей, и решила идти путём, указанным Петром Великим. А в Европе неспокойно: идёт борьба за польский престол, шведы ведут тайную переписку с турецким султаном, чьи войска постоянно угрожают русским землям, да и союзники у России весьма ненадёжные... Новый роман признанного мастера исторической и остросюжетной прозы.

ISBN 978-5-4484-7926-7

© Дмитриев Н. Н., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Дмитриев

На торный путь

1

Денёк в Санкт-Петербурге случился ненастный. Ветер, гнавший по небу низкие серые тучи, гулял как хотел над Невской перспективой, неся мелкую водяную пыль, которая то и дело сменялась хлёстким дождевым зарядом. Он разогнал праздную публику, и немногие спешившие по своим делам пешеходы кутались в плащи, пригибая пониже края шляп, чтобы как-то защитить лицо от секущих холодных капель. Не на шутку разгулявшийся ветер развёл по реке крупную волну, и шедшие куда-то шляпы, кренясь под зарифленными парусами, словно чувствуя опасность, спешили добраться к пристани. Дуло с моря, и многоопытные горожане побаивались, как бы своенравная Нева не выплеснулась на улицы очередным наводнением.

Зато в кружале неподалеку от Адмиралтейства было шумно, и там вообще дым стоял коромыслом. Ненастье нагнало в кабаки всякого люда. Каждый, кто из промозглой уличной сырости попадал в тёплое низковатое помещение, спешил хлебнуть горячительного, а затем, отыскав себе местечко в переполненном зале, усаживался на лавку и, разомлев, тут же вя-звался в общую болтовню. Многие, отогревшись, доставали курительные трубочки, потому над головами посетителей стлалась прерывистая пелена табачного дыма. Света, попадавшего в кружало через мелкий переплёт двух голландских окон, было маловато, отчего торчавший за стойкой целовальник зажгёт с десятков свечей и не сходя с места довольно поглядывал на битком набитый кабак.

За одним из столов ближе к окнам бок о бок сидели два офицера и, не выпуская из рук оловянных кружек, вели разговор. Это были гвардейцы. Один, семёновец, чувствовал себя здесь как дома, в то время как второй, измайловец, не забывая отхлёбывать из кружки, с интересом поглядывал по сторонам. Учреждённый по примеру императора Петра Алексеевича, велением царицы Анны Иоанновны новосозданный Измайловский полк, считавшийся, как Семёновский и Преображенский, тоже гвардейским, до недавнего времени размещался в Москве, рядом с селом Измайловом, где росла дочь царя Ивана, однако теперь был переведён в Санкт-Петербург, временно разместившись постоем на Адмиралтейском и Васильевском островах.

Офицеры успели опорожнить почти весь стоявший перед ними штоф, прежде чем их разговор с обычного трёпа перешёл на злободневную тему.

– Я полагаю, – начав так, семёновец сразу посерьёзней, – государыня желает иметь свой полк гвардейцев.

– Мне то неизвестно, – покачал головой измайловец. – Мы своим полком в Москве пребывали, а то всё дела петербургские.

– Оно так, – кивнул семёновец. – Небось, про наши дела наслышан?

– Не без того. – Измайловец тотчас наострил уши.

– Вот и вникай. – Семёновец сделал добрый глоток и, отставив кружку в сторону, заговорил обстоятельно: – Тут такое дело вышло. Верховники наши некие кондиции писать удумали. Чтوب, значит, вся власть им, отчего государыня без их соизволения ничего сама и решить бы не могла.

– Это что, – удивился измайловец, – выходит, все дела скопом решать?

– Да, почитай, вроде что так, – немного подумав, подтвердил семёновец.

– Не, с того дела не будет, – решительно заключил измайловец и чуть погодя добавил: – У нас в Малороссии ежели что скопом решают, то один крик да свара выходит, а толку ни на грош.

– Верно говоришь, у нас то же самое, – согласился семёновец и пояснил: – Как известно стало, что то дело верховников, каждый свою выгоду искать начал, вот через то и общий разброд получился.

Внимательно слушавший товарища измайловец довольно долго молчал, после чего, опорожнив свою кружку, с некоторым сомнением спросил:

– А как же тогда государыня Анна Иоанновна самодержицей стала?

– А то уже наша заслуга. – Семёновец, в упор глядя на товарища, важно откинулся и вскинул голову, словно пытаясь что-то рассмотреть сквозь плававший под потолком дым, с нескрываемой гордостью сообщил: – Мы, гвардия, не пожелали над собой осьмиличных затейщиков иметь, которые, ради правления, вместо одного лица сразу восьмерых тиранов учредить полагали.

– И как же вы столь сильных людей усмирили? – Не особо поверив в сказанное, измайловец недоверчиво сощурился.

– А просто. – Семёновец разлил всё, что ещё оставалось в штофе, по кружкам. – Как мы пали перед государыней на колени, верховники и не пикнули, иначе б мы их в окна выбросили. Вот самодержица и смилостивилась, порвала кондиции.

– Вон даже как! – восхитился измайловец. – Твёрдая власть – оно на пользу.

– Конечно, вот ты у себя в Малороссии в ландмилиции был, а теперь кто? – усмехнулся семёновец и попытожил: – Личного полка государыни гвардеец!

Завидев в дверях рослого преображенца, семёновец умолк и стал неотрывно смотреть на вошедшего. Перехватив его взгляд, измайловец тоже стал присматриваться, а тем временем преображенец, направляясь напрямиком к столу, за которым сидели гвардейцы, по пути ухватил за плечо пробежавшего мимо полового и коротко наказал:

– Поддай штоф!

– Бу-сде, ваша честь... – подобострастно вякнул прислужник и, ловко вывернувшись, тут же метнулся к целовальнику.

Глянув вслед прыткому половому, преображенец подсел к столу и, улыбнувшись семёновцу, спросил:

– Ну, чего звал?

– Да вот... – начал было семёновец и тут же оборвал себя на полуслове, так как из-за спины преображенца возник прислужник со штофом.

Преображенец одобрительно хмыкнул и, берясь за только что принесённый штоф, пристально посмотрел на измайловца.

– А тебя, молодец, как величать?

– Это Нерода Григорий, – ответил за него семёновец и, перехватив штоф у товарища, сам наполнил кружки.

– Григорий, значит?.. – Преображенец скептически посмотрел на измайловца.

– Ага, Гриць. – Нерода широко улыбнулся.

– Из хохлов, выходит? – весело подмигнул преображенец.

– Из малороссийской шляхты, – с некоторой обидой уточнил измайловец.

– Ты чего к парню цепляешься? – начал защищать Нероду семёновец. – Из своих же, не какой-нибудь там немец.

– Ну так и я о том, – примирительно отозвался преображенец и, подняв свою кружку, усмехнулся. – Давайте, дрей свинюшкен тринкен квас¹.

---

¹ Три поросёнка пьют квас.

– Ты чего это вдруг не по-русски заговорил? – удивлённо спросил семёновец, чокаясь с преображенцем.

– Заговоришь тут, – неожиданно зло отозвался тот и пояснил: – У нас и прежде немцев всяких много служило, а теперь и вовсе: как офицер – то эстонец или курляндец.

– Это не про наш ли полк речь? – вставил и своё слово измайловец.

– Само собой, – подтвердил семёновец и, изрядно хлебнув из кружки, заявил: – Зато государыня у нас теперь русская, вон и квас, говорят, любит. Может, она и немцев, того, не особо допускать будет...

– Не похоже, – нахмурился преображенец. – Там, где она до сей поры пребывала, немцев полно. Вон Бирон этот, что следом из Курляндии заявился, теперь при ней неотлучно. А с ним Левенвольде и ещё куча всяких...

– Полагаю, должна обратить внимание, – выразил надежду семёновец.

– Да незаметно чего-то, – скривился преображенец. – Пока государыня на верховников, что её своими кондициями ограничить хотели, внимание обращает. За князей Долгоруких особо взялась. Почитай всех в ссылку, а самого младшего в солдаты сдала, да ещё чтоб без повышения в чине, а он ещё отрок совсем.

– Не наше то дело, – попытался смягчить разговор измайловец.

– А может, и наше, – напрямую дерзко высказался преображенец и, подтянув ближе к себе стоявшую на столе миску, принялся закусывать сушёной корюшкой...

* * *

Командир отдельного персидского корпуса принц Гессенский, сопровождаемый конвоем, подъехал к собравшейся у ограды мечети толпе и придержал коня. Приближались дни «ашура», чествования памяти потомков первого халифа, и сейчас в этой мечети шло религиозное собеседование «роузе-хани». За высокими чёрными шапками одетых в коричневое аба персов дервиша, рассказывавшего о страданиях шаха Гуссейна, было плохо видно, но его голос в общей тишине звучал отчётливо. О войне он говорит громко, отрывисто, и находящийся рядом, всегда следующий за принцем толмач переводил особо значимые фразы:

– Мусульмане против гнёта и насилия... Пророк, защитник ислама...

Понятно, что дервиш говорит о войне с турками и конечно же весьма прозрачно с некой угрозой намекает на занятую русскими округу, однако мечети пользуются правом убежища, тут можно говорить свободно, и принц, тронув повод, поехал дальше, ещё раз мысленно оценивая услышанное.

Занятая царём Петром область Персии не дала ожидаемых выгод, а содержать стоявшие там небольшие гарнизоны из-за климата было весьма накладно, и эту территорию после благоприятных переговоров обменяли на разные льготы в торговле. Однако удачно начавший войну с турками Надир-шах попросил несколько отсрочить вывод русских войск и, прикрывшись ими от возможного удара с тыла, стал наступать на Багдад. Именно поэтому принц Гессенский внимательно следил за ходом боевых действий и ждал разрешения покинуть Персию.

Вот только едва принц вернулся на место постоя, как давно ожидавший его адъютант немедля подал ему запечатанный конверт и доложил:

– Прислали с нарочным. Ещё передали, Тerti-Гирей перешёл Терек.

Принц повертел конверт в руках и раздражённо сказал:

– Так, значит, ещё одно...

Под Багдадом у султана, по вступлении в войну, дела шли плохо, и он приказал крымскому хану кратчайшим путём, через русские земли, идти в Персию, чтобы нанести Надир-шаху удар с тыла. Принц Гессенский предупредил хана, что воспрепятствует походу силой оружия, но тот поступил по-своему и вдобавок принялся рассылать в подчинившиеся России

орды прелестные письма, возбуждая их к мятежу. Однако старшины не распечатывая отправляли послания хана в ставку, и сейчас, глядя на ещё одно такое, принц спросил:

– Где сейчас Терти-Гирей?

– Лазутчики сообщили, хан от аула Черченеи идёт к станице Горячей скорым маршем, – чётко ответил адъютант.

Новые лазутчики подтвердили, что хан действительно движется двумя дорогами в этом направлении по расположенным недалеко друг от друга ущельям, причём одно было достаточно широким, а второе узким. Не зная точно, какую из дорог надо считать опаснее, принц разделил все свои силы на три отряда. Первый, самый сильный, был направлен в широкое ущелье, несколько сотен казаков перекрыли узкое, а сам принц, возглавив главный резерв, решил поставить его так, чтобы у него была возможность оказать помощь и тому и другому отряду.

Отдав все нужные распоряжения, принц вышел из невзрачного домика, где была его резиденция, отметил, что сегодня горные пики прорисовываются на фоне неба особо чётко, и приказал подать каурого. Надо сказать, конь этот был особенный. Его, как подарок русскому начальнику, привели из какого-то высокогорного аула. Поначалу, едва глянув на довольно невзрачную лошадь, принц вообще не хотел брать такой подарок, однако, когда толмач сказал ему:

– Бери, бачка, ой карош лошадь, – смилостивился и, поверив своему толмачу на слово, даже поблагодарил дарителей.

Толмач оказался прав. Уже во время первой же поездки в горы выяснилось, что конь совсем не боится высоты, легко взбирается на любую кручу и, главное, может как угодно долго идти рысью горной тропой, даже если она вьётся по самому краю глубокого ущелья. Именно поэтому принц всегда приказывал седлать своего каурого, направляясь на какое-либо серьёзное дело.

А дело и впрямь на этот раз завязалось нешуточное. Татары, как и предполагал принц Гессенский, пошли широким ущельем. Правда, сначала они произвели диверсию на другой дороге, сделав вид, что собираются, сбив не особо сильный казачий заслон, идти именно там. Видимо, Терти-Гирей ждал, что, пока силы урусов, которые наверняка бросятся помогать казакам, будут связаны боем, он сам ударит им в тыл через широкое ущелье. Поначалу вроде всё так и складывалось. Начав схватку с казаками, хан повёл главную часть своего войска дорогой, что шла по широкому ущелью, и атаковал преградивший ему путь русский отряд.

С громкими криками «Алла... Алла...» татары яростно бросились на этот заслон, но, встретившие дружным залпом, поначалу замешкались, а затем стали обходить каре по боковым кручам. В одном месте их фланговый удар достиг цели, шеренги смялись, и там солдаты, теряя строй, начали беспорядочно отступать. Казалось, татары берут верх, однако не попавшийся на ханскую уловку принц Гессенский уже вёл на помощь отряду основной резерв. Больше того, сразу оценив обстановку, принц послал нарочного, вызывая сюда же часть казаков из узкого ущелья.

Подмога пришла вовремя. Едва отряд принца успел выстроиться, закрыв дорогу, как татары, размахивая саблями, с победными воплями кинулись в атаку. Но слитный мушкетный залп, встретивший нападавших, сразу охладил их пыл, а когда вдобавок по ним открыли огонь установленные по обе стороны от дороги полевые пушки, татары откатились обратно. Впрочем, Терти-Гирей явно проявил упорство и, быстро задержав отступающих, ударил всеми силами по правому крылу, откинув на полверсты державший там оборону уже ранее сильно потрепанный заслон.

Ситуация становилась критической, татары вот-вот могли прорваться через дефилей², и тогда принц Гессенский, бросившись вперёд лично, приказал развернуть стоявшие у дороги

---

² Дефилей – узкий проход, теснина.

пушки. Однако на это требовалось время, и принцу не оставалось ничего другого, как потребовать от командира отступавшего заслона держаться столько, сколько он сможет. Сам же принц, возглавив команду драгун, атаковал в лоб продвигавшихся по дороге татар.

Поначалу эта отчаянная атака имела успех, но татары, оправившись от неожиданности, увидели, что драгун мало, и стали окружать их. Однако принц, рубившийся сразу с двумя всадниками, не заметил этого и, только увидав на фланге татар, приказал отходить. Захваченные боем драгуны не сразу расслышали команду, и получилось так, что их строй как бы сам собой разорвался, образовав некий проход, в который тотчас ворвались татары.

Пытаясь вновь объединить отряд, принц заметался между этими двумя группами и неожиданно оказался окружённым врагами. Рванув повод, он завернул коня, чтобы скакать обратно, но дорога назад была отрезана. В то же время татары, уяснив, какая ценная добыча попадает им в руки, угрожая саблями, закружились вокруг. Казалось, выхода нет и позорный плен неизбежен, но тут в глаза принцу бросился поросший хилым кустарником откос. Это был единственный шанс, и принц, ударив плашмя саблей по конскому крупу, послал каурога прямо на косогор.

Так и взвившийся от удара конь в три прыжка одолел откос, а затем уже сам свернул на еле приметную, шедшую наискось ложбинку, ведущую вверх. Татары было попытались преследовать принца, но их степные лошади не пошли на косогор, и тогда они начали стрелять. Несколько пуль просвистело возле головы принца, и он подумал, что, если у татар найдётся хороший стрелок, ему конец, но ложбинка неожиданно вывела к большому камню, за которым оказалась едва приметная спасительная тропа. Конь, словно понимая грозящую всаднику опасность, тут же перешёл на рысь и вскоре вывез принца из зоны действенного огня.

Тем временем пушки заняли новую позицию и дружно ударили картечью. По ущелью поплыли клубы дыма, а свист картечи заглушил вопли татар, получивших внезапный удар во фланг. На какое-то время исход боя оставался неясен, но затем противник, не выдержав пушечного огня, в беспорядке откатился обратно. Принц же, которого верный каурый только что спас от плена или гибели, вернувшись к своим, сразу столкнулся с командиром заслона.

Лицо полковника, командовавшего заслоном и непоколебимо исполнившего приказ стоять до последнего, было залито кровью, однако, прежде чем отослать его к лекарям, принц первым делом спросил:

– Как считаешь, ещё пойдут?

Полковник вытер ладонью окровавленную щёку, посмотрел назад и отрицательно помотал головой. Принц тоже окинул взглядом откос ущелья, густо заваленный вражескими телами, затем глянул на извивающуюся по ущелью дорогу и сквозь начавший рассеиваться пороховой дым увидел, что татары не строятся в новый боевой порядок, а, судя по всему, начали стремительный отход...

* * *

Варшава утопала в грязи. Затяжной дождь превратил пыльные немощёные улицы польской столицы в разлитое море топкой жижи, к вящей радости простолудинов, которые за отдельную плату переносили на закорках расфуфыренных шляхтичей, съехавшихся сюда по случаю очередного бескоролья. Несмотря на это, предстоящий сейм сделал улицы ещё оживлённее, однако командующий русскими войсками генерал граф Ласси оставался в отведённом ему просторном доме и сейчас расхаживал по малому залу, так и эдак прикидывая, что будет дальше.

Дело было в том, что король Польши Август II недавно умер, и теперь за польскую корону боролись два весьма сильных претендента: Станислав Лещинский, имевший много сторонников, которого к тому же всячески поддерживали французы и ставленник России курфюрст

саксонский. При таком раскладе из Петербурга в Варшаву были посланы немалые деньги, а к польским границам отправлено сразу две группы войск, с целью обеспечить нужный результат выборов, и сейчас генерал Ласси думал, что ему сделать, дабы не дать французам взять верх.

Его очень беспокоило, что с самого начала ничего не получалось, а затем и вовсе всё пошло наперекосяк. Примас³ и шляхта, опасаясь, что под русским влиянием ликвидируют *liberum veto*, прислушались к французам, и сейм, заседавший в Коле⁴ пятнадцать дней, провозгласил Станислава королём Польши. После такого афронта русский и австрийский посланники напрямик объявили примасу, что польским королём будет признан только курфюрст саксонский. Но примас и его партия посчитали, что, хоть венский и петербургский дворы недовольны таким решением сейма, изменить его им не удастся.

Впрочем, надежды примаса и его людей оказались тщетными. Императрица Анна Иоанновна тут же приняла крутые меры, и в Литву вступил стоявший на границе 20-тысячный корпус Ласси, двинувшийся напрямиком на Варшаву. Ему навстречу поспешили паны, недовольные избранием Станислава, однако, когда корпус подошёл к столице, выяснилось, что мосты через Вислу разрушены, а Станислав уже направился завоёвывать Данциг. Тогда полтора десятка сенаторов и до шестисот шляхтичей (все те, что не признали предыдущего решения сейма) собрались на поле у деревни Комиец, где уже происходили такие выборы, и там ими было решено объявить курфюрста саксонского новым королём Польши под именем Август III. Такая ситуация требовала кардинального решения, и именно поисками его были теперь заняты мысли Ласси.

Это занятие командующего прервал поднявшийся в доме шум, а затем и совсем уж неожиданное появление второго посланника – графа Левенвольде-младшего. Судя по его достаточно встрепанному виду, граф был весьма встревожен, и генерал, выждав приличествующую паузу, спросил:

– Что, случилось что-то?

– Шляхта из-за выборов короля буйствует, – растерянно ответил граф, вытирая проступивший на лбу пот, и только потом уточнил: – На мою резиденцию напали, грозятся, я скрытно сюда ушёл...

– Что? – изумился Ласси.

Ответить Левенвольде-младший не успел, так как в зал вбежал адъютант и прямо с порога сообщил:

– По саксонской резиденции из пушек палят!

– Что, прямо-таки из пушек? – оторопел Ласси и растерянно посмотрел на Левенвольде. – Как это так можно?

– Не знаю, – развёл руками посланник. – Но я туда, чтоб всё вызнать, уже своего конфиденанта отправил...

– Подсыл-то надёжен? – быстро спросил Ласси.

– Да, оно вроде бы... – сразу испытывав сомнение, как-то неуверенно стал отвечать Левенвольде, но сбился и, чтобы не потерять лицо, преувеличенно бодро заверил: – Надёжен, вполне...

Посланнику вдруг вспомнились угрожающие выкрики сторонников Станислава, ломившихся в здание, напрасные попытки служек как-то урезонить разбушевавшихся шляхтичей и своё позорное бегство тайными переходами, которыми его вывел на задворки тот самый конфиденант. Позже, осознав, что прямая опасность миновала, Левенвольде приободрился и, отправив своего доверенного спутника разузнать, что делается возле саксонской резиденции, сам поспешил к Ласси.

---

³ Архиепископ, исполняющий в бескорольеве обязанности короля.

⁴ Выборное поле.

Командующий знал, что поляки, стремясь как-то разрядить ситуацию, настоятельно требуют отъезда посланников русского и дрезденского дворов. Но то, что они решатся на пушечную пальбу, Ласси не ожидал. Видимо, думая о том же, Левенвольде-младший стал сокрушаться вслух:

– Мы всё делали, деньги давали немерено, переговоры вели, и вот результат...

Графу Ласси было известно о распоряжении императрицы не скупиться, и он понимал, что посланник ищет хоть какое-то оправдание для себя. Впрочем, говорить на эту тему не стоило, и генерал коротко бросил:

– Что из Петербурга?

– А что Петербург?... – Левенвольде сокрушённо вздохнул. – Петербург далеко, пока туда отпишешь, а решать сейчас надобно...

– Зато мне, граф... – Ласси сделал многозначительную паузу, – велено государыней заставить Станислава вовсе уйти из Польского края.

– Да, да! – сразу оживился посланник. – Наши конфидиенты сообщают, что Станислав решил засесть в Данциге и собирается там дожидаться французской помощи, чтобы силой взять трон.

– Значит надо опередить французов, – твёрдо заявил Ласси.

Левенвольде хотел что-то сказать, но долетевший снаружи странный шум заставил его повременить, тем более что в залу вошёл адъютант и несколько растерянно доложил:

– Там какой-то шляхтич к вашей милости сюда рвётся. Говорит, он знает, что посланник здесь.

Ласси посмотрел на Левенвольде, и тот закивал головой.

– Да, да, это вероятно он, конфидиент...

– Пусти, – бросил Ласси, и адъютант, тихо прикрыв за собой дверь, исчез.

Шляхтич не заставил себя ждать, вот только, войдя, он застыл на месте, поочерёдно глядя то на посланника, то на генерала, не зная, к кому следует обращаться. Вид у Левенвольдовского конфидиента был залихватский. Одетый в лазоревый кунтуш, вышитый золотой нитью по вороту, с высокой шляхетской квадратувкой⁵ на голове и висевшей на боку явно дедовской саблей, давно не чищенная серебряная рукоять которой потемнела от времени, он, казалось, с кем-то повздоров, только что выскочил из придорожной корчмы.

Видя, что шляхтич никак не решится заговорить, Левенвольде поторопил его:

– Ну, что узнал?

– У вас всё разграблено... – Шляхтич наконец-то обрёл дар речи.

– Я это понял, – отмахнулся Левенвольде. – Что у саксонцев?

– Ваша милость... – Шляхтич запнулся, бросил короткий взгляд на Ласси и только потом заговорил: – Конфедераты требовали, чтоб саксонский посланник и его люди уехали из Варшавы, а когда те отказались, подвели пушки.

– Значит, это они стреляли? – уточнил Ласси.

– Так, они, – подтвердил шляхтич и уже увереннее продолжил: – Шесть пушек подвели и стрелять ядрами начали. А когда ворота в щепы разбили, за ограду лезть начали. Там народу много собралось, только, как пушки пальбу учинили, обыватели разбежаться стали.

– Не про них речь, – оборвал его Ласси. – Саксонцы что?

– Ответную стрельбу тотчас учинили. А когда у конфедератов больше трёх десятков шляхтичей побил, то их ярость укоротилась, и люди в доме саксонского посланника капитуляцию истребовали, по силе которой они в дом имперского посланника перешли, – единым духом выложил шляхтич и замолчал.

Выслушав конфидиента, Левенвольде кивнул.

---

⁵ Конфедератка.

– Ладно, иди, подождёшь меня там.

Ласси же, проводив шляхтича взглядом, поинтересовался:

– Он что, не бедный?

– Да где там... – махнул рукой Левенвольде. – Один гонор шляхетский. Правда, сейчас у меня на пару злотых расстарался.

– Я вот что подумал... – Ласси выдержал довольно долгую паузу. – Может, те посольские деньги на таких, как шляхтич этот, стоит тратить?

– Сие заманчиво, но, увы, невозможно. Практичнее иметь дело с влиятельными особами, – возразил Левенвольде.

– Оно так, – вздохнув, согласился Ласси и поинтересовался: – Ведомо ли, кто со Станиславом в Данциге засел?

– Ясное дело, ведомо. Теперь главными там примас и французский посланник, – ответил Левенвольде.

– Значит, с французами дело иметь придётся, – заключил Ласси, и Левенвольде понял: план действий у генерала уже есть...

* * *

Русский посланник Левенвольде-младший не ошибся: генерал Ласси уже получил предписание петербургского двора, собрав сколько можно войска, идти к Данцигу, чтобы заставить Станислава выйти из города или совсем покинуть страну. В Польше к тому времени находилось до пятидесяти тысяч русского войска, но под началом Ласси оказалось немногим более двенадцати тысяч, поскольку стоявшие в разных местах отряды были нужны для обуздания края, а не менее двух полков следовало оставить в Варшаве. Вот с этими небольшими силами Ласси и выступил, устроив по пути в признавшем короля Августа городе Торн промежуточный магазин, а придя в окрестности Данцига, сделал свою главную квартиру в местечке Пруст.

На следующий день к городским воротам прискакали несколько всадников, один из них вскинул трубу, и над городом полетел сигнал, оповещавший о прибытии переговорщиков. Какое-то время ворота оставались закрытыми, но потом тяжёлая створка несколько приоткрылась, и начальник стражи, явно делая вид, что не понимает, кто перед ним, спросил:

– Вы кто?

– К вельможному панству от генерала Ласси... – начал было выехавший вперёд офицер, но начальник стражи слушать больше не стал, а только кинул:

– Сейчас доложу, – поспешно спрятался, снова прикрыв створку.

Надо полагать, трубный сигнал всполюшил жителей, и к тому моменту, как створка снова открылась, на стенах виднелось уже много народу. На этот раз из ворот в сопровождении стражи вышел генерал и сухо представился:

– Я комендант Данцига, слушаю.

Преисполненный важности посланец Ласси, видимо, не ожидал такой встречи и заговорил весьма резко:

– Генерал Ласси настоятельно предлагает жителям отстать от Станислава, впустить русский гарнизон в город и присягнуть королю Августу. В противном случае вас ждут дурные последствия.

– Передайте своему генералу, что наш король – это Станислав Лещинский, – громко, так, чтоб это было слышно на стенах, весьма заносчиво объявил комендант и, не желая далее говорить, ушёл.

Выслушав столь категоричный ответ, посланец Ласси молча завернул коня и преследуемый громкими криками обывателей:

– Не пазвалям!.. Нех жие круль!.. – зарыл в ставку.

Получив такой довольно грубый отказ, генерал Ласси задумался. Его корпус, разделённый на пять отрядов, занимал селения Санкт-Альбрехт, Олива и Лингфурт, что позволяло не допускать подвоз провизии к городу. Но речной рукав Мёртвая Висла давал возможность получать помощь с моря, и, значит, требовалось, заручившись поддержкой флота, блокировать порт.

Неожиданное появление адъютанта заставило Ласси отвлечься.

– Там нужный хлопец из города, пришёл к вашей милости, – многозначительно стивив голос, сообщил адъютант.

Ласси кивнул, и адъютант впустил «хлопца» в домотканой свитке, который, держа в руке мужицкий колпак, сразу изложил суть:

– Имею честь сообщить вашей милости, что в городе наличествует гарнизона пять полков, а это более чем двадцать тысяч. Купно с ними ещё там есть тысяч восемь милиционных, две тысячи польских гвардейцев, одна тысяча личного полка французского посла Монти и вдобавок шведские добровольцы, которых всего человек двести, – единым духом выпалил «хлопец» и замолчал.

То, что в округе есть большие отряды сторонников Лещинского, Ласси уже знал, а после слов «хлопца» генералу стало ясно: дело пахнет «малой войной». К тому же внушало большое опасение распределение сил. Конечно, разделение корпуса и занятие отдельными отрядами путей подвоза сильно затрудняло снабжение города, но, с другой стороны, как выяснилось, сторонников Станислава в поле было до пятидесяти тысяч и, значит, они имели возможность, напав всеми силами, разгромить каждый отряд поочерёдно, что вообще-то грозило полной катастрофой.

Но поляки, вместо того чтобы скопом навалиться на русских, кружили по округе и весьма рьяно громили усадьбы сторонников Августа. Под Данцигом же всё ограничилось тем, что Ласси приказал отвести воду от городской мельницы, усилив этим блокаду, а в ответ осаждённые начали делать частые вылазки, так что дня не проходило без стычек с казаками, причём верх брала то одна, то другая сторона. Что же касалось правильной осады, то об этом и речи быть не могло. Во-первых, наличных сил было до смешного мало, а главное, у Ласси не имелось осадных пушек.

Безрезультатная осада затягивалась, и это продолжалось до тех пор, пока к Данцигу не прибыл командовавший всеми находившимися в Польше войсками фельдмаршал Миних. Сразу оценив обстановку, он понял, что с имеющимися в его распоряжении ничтожными силами взять поддерживающий Станислава Данциг нельзя, и немедля вызвал ещё несколько полков. Затем отправил горожанам прокламацию с увещанием покориться королю Августу, а когда подстрекаемые примасом и Монти обыватели ответили отказом, Миних приказал усилить осадные работы.

Сначала он распорядился построить редут со стороны Цыганкенберга, а потом выслал отряд с приказом овладеть укреплением Ору, которое и было взято после двухчасового боя. Дальше русские войска заняли всю территорию между городом и морем, а поскольку фельдмаршал считал, что этого мало, им был отправлен отдельный отряд к городу Эльбинг. Там всё сложилось удачно. Город сдался без боя, горожане присягнули королю Августу, и вдобавок оттуда к Данцигу осаждающим были присланы семь крепостных орудий и боевые припасы.

В то же время посланные по округе лазутчики донесли, что бывшие в поле конфедераты, коими командует кастелян Черский, перешли Вислу и большими силами идут к Данцигу на помощь Станиславу. Чтобы предупредить их, фельдмаршал Миних тотчас отрядил генерал-поручика Загряжского с двумя тысячами драгун и тысячью казаков навстречу конфедератам с приказом: во что бы то ни стало задержать их движение, а паче того не допустить кастеляна Черского к Данцигу.

Генерал Загряжский немедля выступил, но уже под городком Швец столкнулся с конфедератами. Встреча произошла у реки Бреда, мост через который шляхтичи Черского разрушили, заняв позиции на другом берегу. Не вступая в бесцельную перестрелку, Загряжский стал действовать решительно, отправив людей под прикрытием ружейного огня чинить мост. Одновременно, не дожидаясь конца работ, генерал распорядился соорудить абшнит⁶ и установить там полевые пушки.

Едва новоустроенная русская батарея начала палить по противоположному берегу, уstraшённые орудийным огнём конфедераты бросили свои позиции и стали спешно отступать. Так как со стороны поляков противостояния больше не было, мост удалось быстро исправить, и отряд Загряжского, перейдя реку, начал преследование. Однако конфедераты уходили так быстро, что удавалось догнать только замешкавшихся или отставших. Тогда генерал Загряжский приказал идти к городку Швец, где был обнаружен магазин с большими запасами фуража.

Донесение Загряжского об успешном завершении дела пришло к Миниху одновременно с сообщениями лазутчиков о том, что к Данцигу под командой графа Тарло идёт другой отряд конфедератов. Этот граф уже соединился с Черским, и теперь они оба намерены заставить Миниха снять осаду. Фельдмаршал сразу принял свои меры, отправив на помощь Загряжскому полторы тысячи драгун под командой генерала Ласси. Понимая всю сложность обстановки, Ласси сделал ускоренный переход и, соединившись с Загряжским, принял командование на себя.

Объединённый корпус Загряжского и Ласси догнал конфедератов у местечка Вышчезин. Граф Тарло встретил русских, стоя в боевом порядке за двумя затруднявшими движение дефилями, которые надо было проходить поочерёдно. Спешив драгун, Ласси повёл их через первый дефилай под барабанный бой, чтобы поляки думали, будто на них идёт регулярная пехота. Миновав первый дефилай, драгуны начали перестраиваться, а чтобы поляки внезапным ударом не смяли их, несколько сотен казаков, выдвинувшись вперёд, стали тревожить противника.

Поляки отбили нападение казаков, но, когда, вступив в дело, их атаковало всё удачно прошедшее дефилай русское войско, не выдержали яростного удара и в беспорядке начали отступать. Первой, бросив два знамени и три пары литавр, побежала благородная шляхта, а за ней, не пожелав драться в одиночестве, поспешно отступили и бывшие у Тарло два регулярных полка. По окончании двухчасового сражения выяснилось, что десять тысяч поляков испугались всерьёз драться всего-то с четырьмя тысячами русских, и это была единственная попытка конфедератов оказать действенную помощь Станиславу Лещинскому...

* * *

По возвращении фельдмаршал Миних вызвал генерала Ласси к себе. Рассказывая по комнате, Миних то и дело останавливался у окна и, вдохнув сочившийся через щели весенний воздух, делал паузу, а уже затем продолжал:

– Думаю, теперь нам ни кастелян Черский, ни граф Тарло угрожать не смогут. Однако сил у нас для осады Данцига маловато, и потому я вызвал сюда остававшиеся в Варшаве войска. Они будут доставлены по Висле. Их командир тому противился, но я его отстранил. – Фельдмаршал зло дёрнул головой и глянул на Ласси. – Что скажешь?

– А что говорить? – вздохнул генерал. – Пушки нужны, а король прусский отказался пропустить осадные орудия через Пиллау.

– Это так, – сердито начал Миних, но сразу прервался, так как в комнату вошёл адъютант и доложил:

– Там почта прибыла, из Саксонии...

---

⁶ Вал с малым рвом.

– Давай, – протягивая руку, раздражённо сказал Миних.

– Ваша милость, надо полагать, лучше туда пройти, – с какой-то непонятной интонацией возразил адъютант.

– Что?.. Это ещё зачем туда? – прямо-таки взорвался Миних, но, взяв себя в руки, пошёл к двери.

У крыльца стояли два больших зашпиленных воза, а рядом топтался человек, в котором Ласси не без удивления признал того же «хлопца». Выглядел он точно так же, только в отличие от прошлой встречи на боку у него теперь висела шляхетская сабля. Глядя на странный обоз, Миних нетерпеливо бросил:

– Где почта?

– Вот! – И шляхтич откинул рядно, укрывавшее груз.

Там была осадная мортира, и под её весом колёса воза глубоко грузили. «Хлопец» как ни в чём не бывало спокойно пояснил:

– Доставлено через Пруссию.

Фельдмаршал и генерал переглянулись. Им обоим сразу же стало ясно: вопрос с доставкой артиллерии решён и пушки из Пиллау скоро придут. Как оказалось, на почтовых возах под видом багажа король Август скрытно переслал четыре мортиры и двести бомб к ним. Вдобавок «хлопец» со шляхетской саблей на боку конфиденциально подтвердил догадку фельдмаршала и генерала, что король Пруссии более никаких препятствий чинить не намерен, для начала уже позволив выгрузку орудий в Пиллау с последующей доставкой их водой к армии.

Обрадованные столь радостной вестью Ласси и Миних принялись составлять план дальнейших действий. Окончательное решение сильно затруднялось не только малым количеством бывших в их распоряжении осадных войск, но (в гораздо большей степени) системой укреплений Данцига. Город имел регулярную внешнюю фортификацию со многими устроенными вокруг шанцами и вдобавок был неприступен из-за болот, а также по причине наличия во многих местах подтопленной земли.

Исходя из этого, Минихом в ожидании прибытия подкреплений, а равно и русского флота был разработан план постепенной осады, согласно которому первым делом был сооружён редут на берегу Вислы, лишивший город свободного сообщения с приморским фортом Вейксельмюнде. Затем, после тщательной подготовки, внезапным ночным штурмом был взят Зоммершанц, а его уцелевшие защитники поспешно отошли к форту Вейксельмюнде и укрылись там.

Фельдмаршал как раз изучал разложенный на столе план окрестностей Данцига, когда адъютант принёс ему доставленную из Петербурга депешу. Миних прочитал её и, велев позвать генерала Ласси, снова стал рассматривать план. Когда вскорости генерал Ласси прибыл, фельдмаршал молча отдал ему депешу и стал ждать, что тот скажет. В депеше государыня выражала недовольство затяжной осадой Данцига. Ознакомившись с её содержанием, Ласси в свою очередь посмотрел на план и ткнул пальцем в отметку, изображавшую укрепление Хагельсберг.

– Полагаю, сие место есть ключ к городу.

– Да, – ещё раз присмотревшись к карте, согласился с ним Миних. – С этого холма можно обстреливать весь Данциг.

Наутро была проведена рекогносцировка, и выяснилось, что от ворот Оливы крутизна оказалась неприступной. Сам же форт представлял собой правильный кронверк⁷ с равелином⁸, контрэскарпом⁹ и гласисом¹⁰. Вдобавок всё это было обнесено палисадом¹¹ и штурмфа-

---

⁷ Кронверк – «коронаобразное укрепление» – наружное вспомогательное укрепление, служившее для усиления крепостного фронта и состоявшее из одного бастиона и двух полубастионов на флангах, придававших ему вид короны.

⁸ Равелин – фортификационное сооружение треугольной формы в крепостях перед рвом, в промежутке между бастионами.

⁹ Контрэскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или берега реки высотой не менее 2–2,5 м, обращённый передней частью к обороняющемуся.

¹⁰ Гласис – пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости. Возводили с целью улучшения условий обстрела

лами¹². Но вот слева, со стороны Шейдлица, имелось только одно земляное укрепление без крытых подходов и гласиса. Ров был сухой, без палисада, и только одна берма¹³ имела изгородь. Поэтому общее решение начинать штурм именно с этой стороны не вызвало никаких возражений.

Чтобы обеспечить успех штурма, было решено, беспокоя неприятеля в других местах, произвести ещё и фальшивую атаку со стороны Оливы. Выполняя общую задумку, после полуночи главный отряд тайком сосредоточился у подножия холма и уже на рассвете решительно атаковал неприятеля. Когда, легко преодолев ров, солдаты подошли к валу на пистолетный выстрел, находившийся впереди первой шеренги командир колонны взмахнул шпагой.

– Нидерфалами!..¹⁴ Пали!!! – И первая шеренга солдат, слаженно выстрелив, ничком припала к земле.

Затем то же самое проделали вторая, третья, четвёртая шеренги, и рой пуль полетел в сторону земляного вала, заставив его защитников искать укрытия. На короткий момент наступила тишина, но едва командир отряда снова взмахнул шпагой, поднимая солдат в атаку, как бывшие на валу пушки разом выпыхнули огнём. Картечь с визгом полетела навстречу, не задев ещё лежавших фузилёров, но те, кто стоял, были либо ранены, либо попадали, а находившийся впереди всех командир убит.

Однако эти пушечные выстрелы солдат остановить не смогли. Штурмующие дружно бросились вперёд, с ходу перемахнули вал и после недолгой, но жестокой схватки полностью захватили позицию передовой батареи, взяв там семь пушек. А вот дальше, после, казалось бы, уже достигнутого успеха, наступила странная заминка. Оказалось, что картечный залп принёс непоправимый урон. По несчастному стечению обстоятельств все бывшие в шеренгах старшие командиры были либо убиты, либо ранены, и солдаты, не получая приказов, затаптались на месте.

Эта заминка обеспокоила наблюдавшего за ходом боя фельдмаршала, а когда посланный для выяснения адъютант доложил, что случилось, Миних, пытаясь сдержать себя, сжал бывшую у него в руках подозрительную трубу. Он, решивший было после лёгкого взятия Зоммершанца, что время решительного штурма пришло, внезапно понял: если сейчас из города произойдёт сильная вылазка, которую у него нет сил сдержать, то ему придётся снимать осаду.

Поэтому, когда находившийся рядом Ласси, ещё не догадываясь о постигшей их неудаче, пробормотал за спиной Миниха:

– О майн гот, сикурс¹⁵ надо, сикурс... – раздосадованный фельдмаршал резко оборвал генерала:

– Какой ещё сикурс?.. Немедля отводите солдат!

Ласси, зная, как трудно, почти невозможно, в такой неразберихе прекратить штурм, выхватил у ждавшего распоряжений адъютанта эспонтон¹⁶ и, размахивая им, сам побежал исполнять приказание фельдмаршала. Вылазки конфедератов не последовало, но Ласси приложил немало усилий, прежде чем ему с трудом удалось увести солдат с хагельбергского холма, так как они, считая себя победителями, ни за что не желали оставлять с боем взятую батарею.

впереди лежащей местности, маскировки и защиты укрепления.

¹¹ Палисад – препятствие или стена из ряда столбов высотой несколько метров, вертикально врытых или вбитых на 1/3 своей длины в землю, вплотную или на небольшом расстоянии, и соединённых между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусками.

¹² Штурмфал – брёвна, уложенные вплотную друг к другу в виде наклонного или горизонтального палисада, помещённого в отлогостях эскарпа.

¹³ Берма – уступ между верхним краем эскарпа и подошвой наружной отлогости бруствера. В оборонительном отношении берма не позволяет атакующему взобраться на бруствер.

¹⁴ Нидерфал – приём стрельбы с залеганием.

¹⁵ Помощь.

¹⁶ Офицерское копьё.

Потерпев неудачу, Миних первым делом заставил торопиться идущие из Варшавы войска, собрал что можно из окрестных гарнизонов, а поскольку начали поступать глухие сведения о возможной попытке французов оказать военную помощь Данцигу, фельдмаршал велел разорить все приморские деревеньки и заодно прервать всякое сообщение осаждённого города с фортом Вейксельмюнде, откуда по реке можно было доставлять припасы конфедератам.

Наконец давно ожидаемые войска начали прибывать, отчего обеспокоенный этим магистрат Данцига запросил двухдневное перемирие в ответ на очередное предложение Миниха покориться милости русской императрицы и признать королём Августа. Поляки колебались, но оставшийся всё это время в Данциге французский посол де Монти, полагая, что двухтысячного отряда де ла Мота, прибытие которого ожидалось со дня на день, достаточно, чтобы заставить Миниха снять осаду, сумел убедить в этом членов магистрата, и они ответили фельдмаршалу отказом. Не приведя ни к чему, перемирие кончилось, и враждебные действия возобновились с ещё большей силой.

* * *

Французы, на военную помощь которых так уповали сторонники Станислава Лещинского, действовали с большой оглядкой, опасаясь вовлечь в войну нейтральные Англия и Голландию, отчего весьма неохотно согласились отправить свою эскадру на Балтику. После долгих колебаний кардинал Де Флери всё же послал эскадру из девяти линейных кораблей, трёх фрегатов и одного корвета. По прибытии в Копенгаген находившийся там посол Франции де Плело уведомил адмирала, что Лещинский уже избран королём Польши, и эскадра вернулась в Брест.

Однако, когда в Париж пришло сообщение, что Станислав Лещинский находится в осаждённом Данциге, туда было решено послать другую эскадру. Эти корабли доставили к Данцигу французские войска, высадив на Вестерплатте Перигорский, Блезуасский и Ламаншский полки. Находившийся в Данциге французский посол де Монти приказал им идти в Данциг, но командиры полков, опасаясь, что эскадра, бросив их, уйдёт в Пиллау, посадили войска назад на корабли и отбыли в Копенгаген. Едва узнав об этом, де Монти потребовал немедленного возврата эскадры.

Посол де Плело провёл совещание с офицерами, где обвинил их в нерадивости и, взяв командование на себя, отбыл вместе с войсками обратно. По прибытии в Данцигскую бухту полки были вновь высажены с кораблей, только уже не на Вестерплатте, а в форту Вейксельмюнде, после чего эскадра стала крейсировать между Хельской косой и Пиллау. О повторном прибытии французских войск было незамедлительно сообщено Миниху, и фельдмаршал во всеуслышание заявил:

– Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд.

Между тем новый командир объединённого французского отряда граф де Плело, не желая терять времени, затребовал себе проводника, который должен был провести его к Данцигу, и уже на другой день выступил сразу тремя колоннами. Проводник, одетый в мужицкую свитку, но с квадратувкой на голове и саблей у пояса, уверенно повёл первую колонну. Вот только дорога, избранная им, оказалась весьма труднодоступной. Подтопленный грунт плохо держал пушки, и их колёса застревали в грязи, а мушкетёрам порой приходилось идти вовсе бездорожьем, часто попадая в болото.

Правда, де Плело особо не беспокоился, надеясь без помех подойти к Данцигу, но где-то на полпути проводник вывел колонну к русскому ретрашементу¹⁷, объяснив, что он устроен совсем недавно и закрывает дорогу к городу. Де Плело это не смутило, вот только рекогнос-

---

¹⁷ Фортификационное сооружение, внутренняя оборонительная ограда, расположенная позади какой-либо главной позиции обороняющихся.

цировка показала, что обойти ретрашемент нельзя, а сам он весьма основательно укреплен. Высота его оказалась больше человеческого роста, и вдобавок с внешней стороны ретрашемент был выложен брёвнами наподобие стены. Главное же препятствие представляла мешавшая подходам засека.

Ожидая, пока подтянутся застрявшие в болоте колонны, граф де Плело и бригадир де ла Мот посоветовались. Граф хотел немедля штурмовать ретрашемент в лоб, а бригадир предлагал сначала дать знать в город, что они на подходе, и дожидаться, когда осаждённые произведут заранее оговорённую вылазку. Граф согласился с бригадиром, и городу был сделан пароль тремя вдвоенными пушечными залпами через короткие интервалы. В Данциге давно ожидаемый сигнал услышали, городские ворота распахнулись, и вылазка, имевшая целью соединение с французами, началась.

Вот только вылазка осаждённых оказалась неудачной. Встреченные пушечным огнём конфедераты смешались, затоптались на месте, а потом, довольно быстро утратив наступательный пыл, стали отходить. В то же время, услышав шум начавшегося возле города боя, граф де Плело повёл своих французов в атаку и одним из первых, под плотным огнём из ретрашемента, стал пробиваться через засеку. Воодушевлённые такой непоказной храбростью своего командира, солдаты дружно последовали за ним и весьма быстро вышли к прикрытому брёвнами откосу.

Де Плело, первым одолев засеку, остановился в каких-то пятнадцати шагах от ретрашемента, затем обернулся и, посмотрев на своих солдат, успешно продирающихся через частокол заострённых кольев, выкрикнул:

– Мушкетёры!.. Огонь!

Услышав приказ, солдаты вскинули ружья, было слышно, как защёлкали курки, но, против ожидания, вместо дружного залпа стали звучать только отдельные разрозненные выстрелы. Вот когда дал о себе знать марш по болоту. Патроны оказались частью подмоченными, вода, попавшая на замки, гасила искру, да, похоже, и порох на затравках надо было менять. Поэтому стрельбы, принудившей бы оборонявшихся прятать головы за брёвнами, никак не получалось, а вот из ретрашемента начался частый ружейный и пушечный огонь, заставивший мушкетёров пятиться.

Когда под градом пуль французы с большими потерями отступили, выяснилось, что граф де Плело погиб, и тогда вступивший в командование бригадир де ла Мот, оценив укрепления ретрашемента, решил не продолжать штурм. Поняв, что французы отходят, русские прекратили огонь, а когда их пушки замолчали, начавшие было вылазку конфедераты, окончательно уяснив неудачу попытки деблокировать Данциг, протрубили отбой и вернулись назад под защиту стен. Бригадир де ла Мот тоже увёл свой отряд обратно и стал лагерем на острове Плате.

Обезопасив себя таким образом от внезапного нападения с суши, бригадир де ла Мот к тому же считал, что в случае надобности французская эскадра, крейсировавшая в виду берегов, придёт к нему на помощь. Корабли адмирала Берейля и правда никуда не уходили и сейчас, находясь в море, неспешно шли по направлению к Пиллау. С суши, сильно ограничивая видимость, наплывал туман, и потому, когда вперёдсмотрящие обнаружили в пределах видимости лежавший в дрейфе фрегат, французы, как ни пытались, не смогли толком рассмотреть его флаг.

Вахтенный офицер спустился в каюту адмирала и доложил:

– Впереди по курсу в дрейфе фрегат.

– Чей флаг? – Сидевший за столом Берейль отложил лоцию в сторону.

– Трудно разобрать, кажется, шведский, – ответил офицер.

– Ну так немедля выяснить, – сердито бросил адмирал и потянулся за расшитым позументами камзолом.

Пока шёл этот доклад, лежавший в дрейфе фрегат поднял паруса, повернул через бейдевинд и стал уходить. Тогда на флагмане был поднят сигнал: «Догнать» – и все четыре французских линейных корабля начали преследование. Гонка продолжалась недолго. Уходивший корабль спустил паруса, и Берейль для выяснения отправил к нему шлюпку с офицером, которая, вернувшись через полчаса, доставила на флагман мичмана с фрегата. Мичман по артикулу приветствовал адмирала и сообщил:

– Русский фрегат «Митава», из Кронштадта.

– Вы в составе эскадры? – обеспокоенно спросил адмирал.

– Нет, с нами был только фрегат «Россия», – не ожидая подвоха, ответил мичман и пояснил: – Ночью в темноте мы разошлись и теперь ждали.

– Куда следуете? – с деланным безразличием поинтересовался Берейль.

– Мне неизвестно, – заподозрив неладное, отрезал мичман и, уходя от дальнейших распросов, сказал: – Спрашивайте нашего капитана Дефремери.

– Дефремери? Мы же вместе служили... – изумился адмирал и повернулся к вахтенному начальнику. – Отправить шлюпку за капитаном!

Шлюпка тотчас ушла, а Берейль, поручив мичмана заботам вахтенного начальника, спустился вниз и, собрав офицеров, приказал:

– Окружить фрегат. Приготовить abordажные партии. При попытке сопротивления действовать решительно.

Капитан Дефремери вскорости прибыл, и Берейль встретил его у трапа чуть ли не с распростёртыми объятиями. После дружеских восклицаний адмирал поинтересовался:

– Куда идёшь, капитан?

– В Данциг, – честно ответил Дефремери.

Франция с Россией не воевала, вдобавок оба моряка хорошо знали друг друга, потому капитан «Митавы» был откровенен.

– Один? – делано удивился адмирал.

– Нет, – продолжал делиться сведениями Дефремери. – Фрегаты «Митава» и «Россия» ведут разведку, а вся эскадра идёт следом.

– Вот даже как... И что, в этой эскадре линейных кораблей много? – с заметным волнением задал вопрос Берейль.

– Четырнадцать... – начал было Дефремери, но, увидав подходившие к лежавшей в дрейфе «Митаве» шлюпки, сбился и встревоженно спросил: – Это что?

– Да ничего особенного, – сделав безразличный вид, пожал плечами адмирал. – Я беру твой корабль в плен.

– Как так в плен?.. Почему? – От неожиданности капитан Дефремери несколько растерялся, но потом возмущённо заявил: – Это же пиратский захват!

– Увы, мой друг... – Берейль сделал скорбное лицо. – Франция решила поддержать короля Станислава Лещинского, и потому мы здесь.

– Но это же инцидент!.. Politik!.. У вас должен быть не французский, а польский флаг, – попытался протестовать Дефремери.

– *La guerre c'est la politique*¹⁸, – спокойно ответил Берейль и стал смотреть, как с подошедших шлюпок на «Митаву» лезут abordажные партии...

* * *

Осада такого города, как Данциг, могла быть успешной только при непрерывной бомбардировке, а присланных Августом двухсот бомб было явно недостаточно, и вдобавок Миних

---

¹⁸ Война есть политика (*фр.*).

издержал свои запасы, так что все надежды возлагались на прибытие Кронштадтской эскадры. И вот наконец она прибыла в составе более двадцати вымпелов. Шестнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов, а также семь доставивших из Пиллау артиллерию и множество необходимых русским войскам припасов флейтов стали на Данцигском рейде, немедленно приступив к разгрузке.

А вот ожидаемой морской баталии не случилось. Едва прознав о подходе русской эскадры, французы спешно ушли, уведя с собой захваченный ими в плен фрегат «Митава». При этом адмирал Берейль бросил на произвол судьбы стоявший лагерем на острове Плате экспедиционный отряд де ла Мота и даже не успел предупредить об уходе остававшиеся в дельте Вислы свои корабли. В результате русская эскадра, перекрыв выход в море, заблокировала прам¹⁹, гукор²⁰ и фрегат, который, неудачно маневрируя, сел на мель у форта Вейксельмюнде.

После ухода французской эскадры вокруг Данцига образовалась чересполосица. С моря город блокировали русские корабли, вход в устье Вислы преграждал форт Вейксельмюнде, а путь по речному рукаву перекрыв взятый Минихом Зоммер-Шанц. Однако, несмотря на все трудности, попытки конфедератов доставлять в город припасы по воде продолжались. В последний раз рукавом Вислы пытались пройти две дубель-шлюпки, из которых прорвалась только одна. Вторая огнём поставленной Минихом трёхорудийной батареи была разбита, и её груз – порох, фузеи, гранаты – захвачен.

Тогда ко взятому русскими Зоммер-Шанцу поляки привели прам и начали непрерывный обстрел в надежде открыть путь для снабжения города. Но близко подошедший прам в свою очередь был удачно обстрелян огнём всё той же береговой батареи и, получив несколько подводных пробоин, решил ретироваться. Команда поспешно подняла якорь и с криками о помощи увела тонущую плавучую батарею под защиту Вейксельмюнде. Затем попытался прорваться галиот, но, вступив было в артиллерийскую дуэль с Зоммер-Шанцем, тоже вернулся к форту.

Одновременно осадный корпус значительно усилился, поскольку король Август прислал к Данцигу восемь батальонов своего саксонского войска с приданной им артиллерией. К тому времени у Миниха положение с боеприпасами стало таким, что его солдатам приходилось собирать падавшие на их позиции ядра. Фельдмаршал ожидал, что саксонцы смогут его выручить, но они не привезли с собой нужных запасов, отчего настоящую бомбардировку Данцигу удалось возобновить только после прибытия и разгрузки пришедших под защитой эскадры флейтов.

Пока засевавший на острове Плате бригадир де ла Мот ждал сикурса, русский адмирал Гордон отправил к устью Вислы два бомбардирских корабля в сопровождении двух фрегатов с приказом начать обстрел островного лагеря, форта Вейксельмюнде и сидевшего там на мели французского корабля. Своим огнём их пытался задержать подошедший к острову гукер, но позже ретировался, и первый русский бомбардирский корабль беспрепятственно приблизился к лагерю, а второй к форту Вейксельмюнде. Став на шпринг, они тут же открыли интенсивный огонь.

Одновременно два других русских корабля начали обстрел береговых батарей и французского фрегата. После часа стрельбы русские корабли спустили шлюпки и направили к французскому фрегату abordажные партии. Однако, встреченные сильным огнём, они были вынуждены отступить, и пушки с обеих сторон продолжили пальбу. Особо удачных попаданий ни с той ни с другой стороны не было, но высылать в устье помощь адмирал Гордон пока воздер-

---

¹⁹ Плоскодонное артиллерийское парусное судно XVIII века. Вооружение от 18 до 38 пушек, применялось для действий на мелководье, у берегов и в реках.

²⁰ Посыльное судно.

живался. Опасаясь возвращения эскадры Берейля, русские линейные корабли крейсировали у Хельской косы.

Правда, к вечеру успех был достигнут. Какая-то удачно пущенная бомба угодила прямо в пороховой магазин форта, и над Вейксзельмюнде взвилось пламя, а затем поднялись густые клубы дыма. Когда же рано поутру русские корабли намерились возобновить бомбардировку, с верков крепости долетел барабанный бой. Это защитники форта били «сдачу», и с подошедшей шлюпки была передана просьба прекратить огонь, поскольку гарнизон выявил желание начать переговоры.

Как только адмирал Гордон узнал об этом, он немедленно послал шняву и пакетбот с солдатами, чтобы не выпустить из речного устья ни одной малой посудины, на которой могли бы попробовать уйти французы, сидевшие на острове. Впрочем, бригадир де ла Мот и сам понимал безвыходность положения и потому, как только форт Вейксзельмюнде, заключив трёхдневное перемирие, выкинул белый флаг, он прекратил сопротивление и приступил к обсуждению условий капитуляции. Миних согласился доставить французов в какой-нибудь Балтийский порт, и соглашение было подписано.

В то же время на осаждённый город стали падать доставленные из Кронштадта трёхсотфунтовые бомбы, что весьма сильно способствовало решению магистрата принять условия Миниха. Какое-то время «станиславчики» ещё колебались, но после того, как эти тяжёлые бомбы начали вызывать пожары и вдобавок зажгли пороховой склад, желание покончить со столь долгой осадой превозмогло. А когда стало известно, что вслед за фортом Вейксзельмюнде французы тоже сдались, магистрат наконец-то выразил согласие признать Августа королём и открыл ворота.

Магистрат просил перемирия на одну неделю, но в этом было отказано, и переговоры повисли в воздухе. Тогда поляки прибегли к помощи двух прусских агентов для закулисной сделки, и она открыла путь к примирению. Эти агенты курсировали между городом и русским лагерем, после чего магистрат всё же получил разрешение прислать своих депутатов к фельдмаршалу в главную квартиру. Требования, выдвинутые Минихом горожанам, оказались весьма тяжёлыми.

Условия были таковы: выдать Станислава Лещинского, примаса Потоцкого и маркиза де Монти; королю Августу учинить в верности присягу; у императрицы российской испросить прощения за непокорливость и за убытки выплатить миллион рублей. Магистрат был вынужден принять условия, и стороны вроде бы пришли к согласию, но тут случилось непредвиденное. Прямо во время переговоров пришло сообщение, что Станислав Лещинский сбежал.

Как позже выяснилось, в одну из ночей он, переодевшись в крестьянское платье, на лодке переплыл подтопленный участок предместья и, по всей видимости, скрылся за прусским кордоном. Разгневанный Миних обвинил в этом магистрат и никаких уверений не желал слышать. Фельдмаршал кое-как успокоился лишь после клятвенного заявления маркиза де Монти, что горожане здесь ни при чём. Завершённые было переговоры продолжились, но этот побег обошёлся магистрату в ещё один миллион рублей и выдачу военнопленниками всех чужестранных офицеров.

После того как возникшие затруднения были устранены и магистрат согласился на всё, у городских ворот был поставлен российский караул. Войска, находившиеся в городе, тотчас разоружили, а маркиза де Монти арестовали и вместе с примасом Потоцким выслали в Эльбинг. Польским знатым особам пока позволили остаться в городе. Дальнейшие решения должен был принимать король Август, прибытие которого ожидалось. Что касалось контрибуции, то до выплаты всей суммы устье Вислы решили закрыть, заняв саксонскими войсками.

По окончании всех дел в Данциге Миних озаботился судьбой отряда де ла Мота, ожидавшего отправки. Фельдмаршал переправился на остров, принял полагающиеся ему почести в виде получения знамён и дал приказ посадить французов на суда. Вот только отправились

они не в Копенгаген, куда хотели попасть, а в Кронштадт, где среди пленников стали искать «мастеровых людей», а де ла Мота и его офицеров повезли в Петербург на встречу с государыней, после которой они все были удивлены великолепием и учтивостью русского двора.

* * *

Государыня Анна Иоанновна через щёлку в полуприкрытых ставнях с улыбкой смотрела на конный двор. Там её сердечный друг Эрнст Бирон громогласно, не стесняясь в выражениях, почём зря костерил отчего-то замешкавшегося конюха. Однако, как оказалось, граф бесновался напрасно. Просто любимый жеребец Бирона при выводе из стойла заартачился, и конюху пришлось долго успокаивать норовистую лошадь. Зато, когда, едва только оказавшись на дворе, конь поприветствовал хозяина радостным ржанием, Бирон тут же расцвёл и самолично принял у конюха недоуздок.

– Как есть лошадики, – довольно усмехнулась государыня, несколько больше раздвигая ставни.

В этот момент дверь скрипнула, и Анна Иоанновна обернулась на звук. Возникшая на пороге фрейлина сделала книксен.

– Миних здесь. С графом говорить желает.

– Добро. – Государыня сдержанно кивнула, но, поскольку такой визит казался довольно странным, улыбка с её губ исчезла.

Бурхард Миних был взят на службу ещё императором Петром Алексеевичем, и, как хорошо понимала Анна Иоанновна, сей немец оказался весьма полезным. До переезда в Россию он служил под знамёнами герцога Мальборо и принца Евгения Савойского, а Петром был приглашен как ценный инженер и опытный артиллерист. Позже он стал управлять Военной коллегией, и Анна Иоанновна прислушивалась к его советам, а теперь фельдмаршал весьма успешно действовал в Польше.

Заметив, что доверенная фрейлина, ожидая её ответа, всё ещё мнётся у двери, Анна Иоанновна вздохнула.

– Ладно, идём. – И перестав коситься на конный двор, она в сопровождении почтительно семенившей следом фрейлины вышла из комнаты.

Дойдя до малой гостиной, где ожидал Миних, Анна Иоанновна кивком отпустила фрейлину и, сама открыв двери, вошла. Хоромы графа – в общем-то небольшое строение на подклети, выстроенное им у конного двора, или, как их не без юмора называла про себя Анна Иоанновна, дом при конюшне, где Бирон наособь занимался только лошадьми, – должны были напоминать Митаву, и потому стрельчатые окна малой гостиной были забраны мелким свинцовым переплётom с множеством цветных стёклышек, создавая даже в сероватый петербургский денёк некую иллюзию солнечного света.

Завидев вошедшую государыню, которую он никак не ожидал здесь встретить, стоявший возле окна Миних несколько растерянно поклонился.

– Ну, чего пришёл? – опускаясь в гамбургское кресло, спросила Анна Иоанновна и пристально посмотрела на фельдмаршала.

Грубоватое лицо Миниха с резкими мужицкими чертами явно не располагало к амуруному политесу, но внушало должное уважение. Анне Иоанновне было известно, что фельдмаршал весьма недолгоблывает герцога, и в силу этого относилась к Миниху соответственно. Однако она хорошо знала, что фельдмаршал умён, и отлично понимала, что при всяком деле толковый человек просто необходим.

Миних сумел справиться с удивлением и, сделав паузу, ответил:

– Пришёл засвидетельствовать почтение его светлости.

Анна Иоанновна знала про размолвку Миниха с Бироном, который сильно опасался, что фельдмаршал «войдёт при дворе в силу», однако, будучи неглупой женщиной, она этого не показывала. Конечно, Бирон – это Бирон, тут другого мнения быть не могло, но и Миних – это Миних. Достаточно вспомнить, что недавно возвратившийся из Польши фельдмаршал лихо взял Данциг, выставил за пределы Речи Посполитой неугодного Станислава и вдобавок сунувшимся было к городу французам показал, где раки зимуют. Нет, как главнокомандующий на сегодня Миних незаменим, поскольку (это Анна Иоанновна хорошо понимала) в ближайшее время войны не избежать.

Для порядка выждав довольно долго, государыня наконец-то благосклонно улыбнулась фельдмаршалу.

– А скажи мне, граф, что ты про Литву думаешь?

Миних понял, что речь идёт о недавней попытке взять под царскую руку часть Русско-Литовского княжества, и, заметно напрягшись, ответил:

– В Литве, государыня, не все нас поддерживают. Полагаю, коли там утвердился король Август, пока того достаточно. На западном рубеже тихо будет.

– Ну, раз ты так полагаешь, скажу... – Анна Иоанновна было умолкла, но затем, немного помолчав, продолжила: – Ты знаешь, фельдмаршал, что наш враг исконный – султан турецкий – воюет сейчас с Персией?

Поняв, что вопрос задан далеко неспроста, Миних важно кивнул, и тогда Анна Иоанновна высказалась прямо:

– Ещё ведомо нам, что он позвал себе на подмогу хана крымского... Так я вот думаю, что ты мне на это скажешь?

– Момент удобный, – сразу смекнув, о чём речь, ответил фельдмаршал.

Как весьма опытный военачальник, Миних прекрасно понимал: для того чтобы обезопасить южные рубежи России, перво-наперво надо сокрушить Крымское ханство. И фельдмаршал, ещё раз пораскинув мозгами, высказался без обиняков:

– Раз, матушка, для нас в Польше всё сложилось благоприятно, самое время так прижать хана, чтоб он за Перекоп и носа высунуть не смел.

– Оно, конечно, весьма желательно, только позволит ли то нам султан турецкий? – высказала сомнение императрица.

– Ежели, матушка, султан у хана сикурсу просит – значит, дела у него идут туго. Опять же и хан, если мы подойдём к Крыму, от Бахчисарая далеко вато будет.

– Пожалуй не поспеть с этим, – вздохнула Анна Иоанновна. – Это ж сколько времени собираться надо.

– Так, матушка, мы же ещё при государе Петре Алексеевиче к войне с турками готовились, – сообщил Миних и пояснил: – В арсеналах и магазинах засечной линии всё надобное ещё тогда собрано было. А в самом Воронеже вообще главные склады.

– И провиант? – быстро спросила государыня.

– И провиант, – подтвердил Миних.

– Ну, если так... – Анна Иоанновна задумалась, а потом как-то искоса глянула на Миниха. – А ведь для войны, фельдмаршал, повод надобен...

– Так и он уже есть, – тут же заверил государыню Миних. – Хан без всякого дозволу через наши земли шёл.

Анна Иоанновна поняла: Миних прав, но говорить об этом поостереглась и предпочла уйти от прямого ответа, делано вздохнув. И тут фельдмаршал, решив, что момент удобный, высказал сокровенное:

– Наши конники, матушка, пока ещё на татарский манер ездить ладят, а у кирасир и посадка не та, и в атаку они купно идут, чтоб единым ударом любого неприятеля в расстройство привести.

– Это к чему ты ведёшь? – не поняла государыня.

– Без кавалерийских офицеров нельзя, – покачал головой Миних и, подумав, добавил: – Ещё я графа Бирона просить хотел нужных лошадей купить поспособствовать. Кирасирам крепкие кони требуются.

– Так ты с просьбой, – понимая, что это всего лишь предлог, Анна Иоанновна хитро глянула на Миниха. – Чай и не с пустыми руками?

– Да что ты, матушка, так, презент маленький. – С этими словами Миних достал французский орден Св. Людовика и протянул государыне. – Вот после боя солдаты подобрали и мне принесли.

– Ишь ты какой знатный! – восхитилась государыня и, с интересом разглядывая орден, похвалила Миниха: – С французами ты капитуляцию хитро составил. Обещал в порт доставить и доставил. Теперь я их домой не отпущу, пока «Митаву», хитростью ими взятую, обратно не возвернут.

– Старался, как мог, матушка, – заверил императрицу Миних.

– Ладно, фельдмаршал, старался он, – понимающе усмехнулась государыня и сказала: – Ступай, твои слова ещё обмозговать надобно, а касаясь графа, то я сама его уведомя, зачем ты тут был.

Благодарно поклонившись, Миних отступил к двери, а Анна Иоанновна ещё долго сидела молча, ожидая, когда Бирон соизволит зайти. Граф заявился, только окончив смотреть лошадей, и тотчас стал покаянно кланяться.

– Прости матушка, не знал, что ты здесь.

– Полно тебе, не сержусь я... – Анна Иоанновна благосклонно посмотрела на графа. – Ну что, друг сердечный, жеребцом-то доволен?

– Да. – Бирон ответно улыбнулся и после короткой паузы заметил: – Я смотрю, и ты, душа моя, почитай что светишься, отчего так?

– Гляжу я, украсно у тебя тут, хоть и для твоих хозяйских нужд делано, даже вот Митава вспомнилась...

– А чего её вспоминать, ту нашу убогость? – пожал плечами Бирон. – Там нам, считай, порой и есть нечего было.

– Оно-то, конечно, так... – На лицо государыни, вспомнившей свою унылую жизнь в Курляндии, набежала тень, и граф тотчас обеспокоился.

– Аль чего не так, душа моя?

– Да нет, вроде всё так... – Какое-то время Анна Иоанновна колебалась, но потом сказала: – Тут к тебе Миних приходил.

– Миних?.. – Бирон вскинулся. – Зачем?

– Фельдмаршал лично тебе почтение засвидетельствовать желал. – Государыня усмехнулась, а затем как-то сразу посерьёзнала. – А ещё он про конный гвардейский полк беспокоится, лошади ему надобны какие-то особые. Видать, он с тобой советоваться хотел, у тебя чай всякие есть.

Едва речь зашла про лошадей, Бирон тотчас оживился.

– У меня семьдесят лошадей разных, а для тебя, душа моя, держу аглинскую рыжую, что ж до фельдмаршала, то его кирасирам лошадей в Германии купить надобно, – увлечённый было Бирон запнулся и удивлённо спросил: – А чего это Миних вдруг о лошадях говорить начал?

– Мне он толковал, – сразу перестав улыбаться, сказала государыня, – что войну с турками начинать самое время...

– Войну?.. С турками? – Бирон посерьёзнал.

– Ну, про то мы с тобой опосля ещё говорить будем. – Анна Иоанновна резко сменила тему и, отдавая орден Бирону, пояснила: – Смотри, какой знатный презент Миних тебе оставил.

Для графа это было неожиданностью, но для себя он тут же уловил главное. Коли так, то его соперник окажется весьма далеко от Санкт-Петербурга...

* * *

Непривычно чистое небо, на котором лишь кое-где висели ватные облачка, синело над Санкт-Петербургом. Нева широкой голубой лентой, играя солнечными бликами по мелкой ряби, тянулась вдоль свежестроенной набережной, а на противоположном берегу спускались к самой воде крепостные верки, и там из амбразур на реку грозно смотрели пушечные жерла. Однако многочисленные прогулочные ялики бесстрашно сновали под их прицелом, и, казалось, ничто не может нарушить мир и покой согреваемой летним солнцем столицы.

На улицах города тоже было людно. Куда-то шли разморённые жарой прохожие, зазывно кричали разносчики всякой снеди, а кучера осыпали отборной бранью едва не угодивших под колёса о чём-то размечтавшихся зевак. Рядом с экипажами рысили всадники, а время от времени прямо серединой того или иного проезда неслась запряжённая шестернёй цугом карета, заставляя всех других, конных и пеших, шарахаться от греха подальше в стороны. Кто так лихо катит, догадаться было нетрудно, и порой горожане точно знали, чей это выезд.

Как раз в одной из таких карет, с удобством откинувшись на мягкое, обитое кожей сиденье, сейчас и ехал граф Генрих Иоганн, или, как его называли по-русски – Андрей Иванович Остерман. Правда, он нарочно не велел гнать, и его породистые одношёрстные аргамаки, специально удерживаемые ездовыми, неспешно троттировали²¹, давая возможность графу спокойно думать. А мыслей у него было много, поскольку ещё при императоре Петре Алексеевиче состоял Андрей Иванович на дипломатической службе, а теперь и вовсе стал вице-канцлером.

Что же касалось теперешней обстановки, то граф Остерман, знавший все перипетии по своему ведомству, давно догадывался, что, судя по всему, Анна Иоанновна неотступно надеялась взять реванш за конфуз Прутского похода, поскольку случаи начать войну с турками уже представлялись. Достаточно было вспомнить про события в Польше, где султан вкупе со своими доброхотами – французами – всячески препятствовал избранию короля Августа. К тому имелись и другие прецеденты, правда, пока что удавалось столкнуться, но вот теперь...

За этими размышлениями сановник не заметил, как подъехал к Коммерц-коллегии. Ездовые гикнули, шикарный цуг не спеша завернул с проезжей части, и карета, миновав садовую арку, въехала во двор, остановившись у парадного входа. Украшенная золочёной резьбой дверца раскрылась, складная подножка откинулась, и граф Остерман, бережно поддерживаемый с двух сторон, ступил на выложенную керамической плиткой площадку возле крыльца. По ступенькам гость, отстранив слуг, поднимался сам, чтобы показать всем, как ревностно он, несмотря на недуг (было известно, что граф мается ножными болями), исполняет свои обязанности.

Главный дипломат слегка припозднился, и в малом конференц-зале уже сидели два других члена Кабинета: действительный тайный советник князь Черкасский и кабинет-министр граф Ягужинский. Это был весь состав кабинета, и три их одновременные подписи по силе равнялись царской. Заседание пока не начинали, да и было оно вроде как предварительное, поскольку глава дипломатического ведомства привык приступать ко всякому с осторожностью, исподволь.

Собравшиеся понимали, сейчас Остерман хочет келейно, без огласки, обсудить все возможности, однако было заметно, что он ждёт ещё кого-то. Однако ждать долго не пришлось. Почти сразу вслед за Остерманом появился граф Карл Левенвольде-старший. Сей муж был

---

²¹ Троттировали – бежали короткой рысью. Трот – короткая рысь у лошади.

близок к государыне почти так же, как Бирон и, хотя не занимал никаких должностей, был в столь великой силе, что никакое дело не происходило и не обсуждалось без его ведома.

Коротко поприветствовав министров, Левенвольде-старший опустился в кресло и напрямую спросил Остермана:

– Скажи, граф, про дела, которые в Польше, знаю, про самовольство хана крымского тоже, а что султан?

– Ну, тут... – Остерман сделал довольно долгую паузу и, по обыкновению, начал изда-лека: – Полагаю, тебе хорошо известно, что стараниями французов теперь в Турции властвуют иные персоны...

– Потому и спрашиваю, – бесцеремонно оборвал его граф.

Остерман было недовольно поморщился, однако потом, сделав вид, что всё нормально, ответил:

– Прежние разы нам договариваться получалось, а теперь я просил великого визиря выслать уполномоченных, но их не прислали...

– Так, значит... – не договорив до конца, подытожил Левенвольде.

– Оно и значит, – сокрушённо вздохнул Остерман.

– Да чего тут ходить вокруг да около? – не выдержал князь Черкасский. – Всем ясно: война с турками – дело решённое.

Остерман, как вершитель дел внешних, недовольно сморщился, покосился на министра, но, ничего ему не сказав, обратился к Ягужинскому:

– Нам знать надобно, какие войска у нас есть.

– И как запасы доставлять будем, поскольку выяснилось: то, что было вывезено ранее в Воронеж и иные места, непригодно, – снова вмешался Черкасский.

– То не совсем так, – возразил ему Ягужинский. – И провиант не весь испортился, и оружие частично годно, а вот строительный материал, и особенно заготовленные ещё тогда доски, в полном порядке.

– Доски! – Князь сердито фыркнул. – Я не про них.

– А я про них, – нахмурился Ягужинский. – Дощаники сделаем и водой всё доставим.

– Да будет вам, сейчас не время, – остановил начинающуюся перепалку Остерман и попросил Черкасского. – Ты лучше скажи, князь, сколько и какого пригодного к делу войска у нас по-настоящему есть.

– Сколько?... – Черкасский немного подумал и обстоятельно начал перечислять. – По первости, гвардия...

– Гвардию не считай, – решительно запротестовал Остерман. – Ей при государыне быть положено, так что она тут останется.

– Куда скажут, туда и пойдёт, – рассердился князь. – Мне тут что, диспозицией заниматься или про наличные силы говорить?

– Ну, полно тебе, князь, полно, конечно, кому диспозицию писать, найдётся, – примиряюще замахал руками Остерман.

Князь Черкасский нахмурился, какое-то время сердито посопел, но потом взял себя в руки и продолжил:

– Окромя гвардии имеем пехоту, драгун и артиллерию, полевую осадную и крепостную. Пушки 3-, 6-, 8-, 12-фунтовые и пудовые да полупудовые гаубицы. Ещё есть гусары, казаки и отряды калмыков.

– Я про тех, кто к делу пригоден, – напомнил Остерман.

– Главная сила: 50 полков пехоты, – обстоятельно взялся объяснять князь. – Гарнизонного войска 49 полков, оттуда часть взять можно. Казаков донских реестровых 15 тысяч и малороссийских почти 50.

– К казакам малороссийским с большим подозрением след относиться, – негромко заметил Ягужинский и пояснил: – Гетмана там нет больше, заместо него правление гетманского уряда, отчего старшина казацкая недовольна и казаков простых мутит. Опять же старшина казацкая – всё равно что польская шляхта, зело спесива.

– В противу им ландмилиция из малороссийских однодворцев выше всяких похвал, – возразил ему князь и в подтверждение своих слов добавил: – Государыня наша свой Измайловский полк и вовсе из ландмилиции набрать повелела.

– Это ясно, – решительно прерывая начавшее было уходить в сторону обсуждение, сказал Остерман. – Сложившаяся обстановка благоприятствует, цисарь австрийский нас поддержит. Султан увяз в Персии и хан с ним. Полагаю, желательнo б было для начала одного хана разбить.

Чувствовалось, что главный дипломат вроде как против войны с турками или же сильно колеблется, и потому князь Черкасский высказался довольно резко:

– Надо нам воевать с турками, надо! Доколе терпеть будем, что нам к Чёрному морю хода нет? Государыня наша желает следовать по пути Петра Алексеевича и всё, что на Пруте утеряно было, вернуть!

Гневная тирада князя возымела действие. Однако Остерман продолжал осторожничать, сказав:

– Ну что ж, будем готовиться...

И тут неожиданно вмешался молчавший до сих пор Левенвольде и принялся вроде как сам с собой рассуждать:

– Война больших денег требует, а раз татары на наши земли покусились, то именно их наказать надобно. Собрать кавалерию, добавить регулярный корпус и в хорошее время напустить на Крым. Войти туда, насколько возможно, разорить всё и вернуться на Украину. Тогда турки вроде как ни при чём будут, и с ними без войны обойдётся.

Воцарилось короткое молчание, и Остерман, догадавшись, что наверху война с турками – дело решённое, обратился к Черкасскому:

– Что скажешь, князь?

– Скажу прямо, корпус слать надобно, а там видно будет, – ответил тот и вопросительно глянул на Ягужинского, который как знак того, что согласен с Черкасским, положил свои сжатые кулаки на подлокотники кресла...

* * *

Калмыцкое ханство стало союзно России ещё при Петре Алексеевиче, который своим указом повелел «обходиться с калмыками ласково, ибо в них нужда есть». А нужда эта действительно была. Обстановка на Кавказе складывалась по-разному, и Россия не обманулась в своих ожиданиях, поскольку калмыки стали принимать участие в войнах на её стороне. Когда же хан крымский в очередной раз стал предъявлять свои претензии к Кабарде, калмыцкий тайша Дондук-Омбо, опасаясь поползновений со стороны крымчаков, разослал по всем стойбищам-хотонам приказ готовиться к походу. А вскоре, в связи с началом турецкой войны, Петербург распорядился смирить кубанских татар, поскольку имелось опасение, что они выступят на поддержку хана.

Эту весть гонцы разнесли по калмыцким кочевьям, и там немедля начались сборы. Собирался и состоявший из сорока кибиток хотон самого Дондук-Омбо. По-новому организованное калмыцкое войско состояло теперь из отдельных отрядов, которые уже подходили, располагаясь лагерем неподалеку от остававшейся на месте белой юрты Дондук-Омбо. Прочие, чёрные юрты поспешно разбирали, на верблюдов выючили складные решётки-терме, длинные жердиныны, крепили сверху харачи – дымовой круг – и, увязав напоследок кошмы, то бишь войлок

для стен, выстраивали караван, чтобы в опасении чужого набега увезти домочадцев подальше в степь.

Дондук-Омбо встретил присланного к нему для надзора войскового старшину Ефремова настороженно. Дело в том, что из-за недавних внутренних распрей, когда тайша был в предгорьях Кавказа, у него случались стычки с русскими. Тогда петербургский двор приложил немало усилий, чтобы вернуть его обратно на Волгу, и теперь неожиданное появление в хотоне войскового старшины для Дондук-Омбо могло стать не особо приятным. Однако Ефремов сразу понял, чего именно опасается предводитель калмыков, и, глядя ему в глаза, сказал:

– Фельдмаршал приказал мне быть при тебе неотлучно, дабы меж войсками нашими никаких неурядиц не было.

Тайша Дондук-Омбо хорошо знал Ефремова ещё с той поры, когда войсковой старшина сопровождал посланника Остермана, приехавшего договариваться с калмыками, и сейчас, поверив, что услышанные слова – правда, гостеприимно откинул войлочный полог, прикрывавший двухстворчатую дверь белой юрты, показывая тем, что встречает особо желанного гостя.

К большому удивлению Ефремова, калмыки выступили в поход организованно. Да и вообще шедшее к Кубани двадцатитысячное войско Дондук-Омбо мало напоминало орду. Как сразу заметил войсковой старшина, у калмыков уже было деление на полки, впереди шёл сторожевой отряд, а с боков идущую по открытой степи колонну прикрывали дозоры. Испуганная слитным конским топотом степная живность убегала, и Ефремов, ехавший рядом с Дондук-Омбо, видел то тяжело поднимающихся на крыло дроф, то стремительно уносившихся в стороны сайгаков.

Марш был утомителен, степь выглядела однообразно, и войсковой старшина оживился только тогда, когда заметил медленно идущий навстречу караван, который, судя по всему, передовой отряд пропустил беспрепятственно. Связанные друг с другом волосяной верёвкой тяжело навьюченные верблюды шли неспешной цепочкой. На переднем сидел уйгур в сдвинутом на глаза малахае и под нос себе что-то монотонно напевал, мерно раскачиваясь в такт верблюжьему шагу.

Ехавший сбоку караван-баши хлестнул нагайкой коня и, подскакав к Дондук-Омбо, резко натянул повод. Одетый в дорожный армяк, он был уже в возрасте и, приветствуя тайшу, как-то странно сдвинул со лба набок свою круглую шапочку. Ефремов было решил, что караван-баши сделал этим какой-то знак, однако дальше последовало молчание, которое прервал Дондук-Омбо, задав вопрос:

– Не было ли каких опасностей?

– Нет, за дорогу никаких не было. – Караван-баши покачал головой и, сделав паузу, пояснил: – Татары ушли.

Уже позже, когда встречный караван скрылся в дальнем мареве, у Ефремова возникло подозрение, что это была дальняя разведка, так как почти сразу Дондук-Омбо отправил куда-то в степь небольшой отряд, который вернулся только перед вечером. Всадники подъехали на рысях, и Ефремов не сразу заметил, что за одним из них, связанный длинным концом аркана, притороченного к седлу, бежит пленник. Позже, когда разведчики уже стали сдерживать коней, войсковой старшина разглядел, насколько этот схваченный где-то в степи человек истерзан.

Дондук-Омбо тоже увидел еле державшегося на ногах татарина и, показав на него подехавшему вплотную старшине отряда, спросил:

– Этот что? Говорит?

– Говорит, – подтвердил старшина и сообщил главное: – Он уверяет, что чуть ли не пять тысяч кибиток собрались вместе и готовятся откочевать далеко в степь.

– Догоним, – уверенно заявил Дондук-Омбо и, не обращая больше ни малейшего внимания на пленника, тронул коня.

Получив известие о готовящемся бегстве ногаев, тайша повёл своих калмыков без остановок ускоренным маршем, но не успел. Все пять тысяч кибиток, о которых говорил пленник, ушли в степь. Тогда Дондук-Омбо, став лагерем вблизи кубанских плавней, отрядил вдогон своего сына Голдан-Норму, дав ему под начало десять тысяч войска. Выделенный отряд, к которому присоединился и войсковой старшина Ефремов, немедленно выступил в погоню, благо те пять тысяч кибиток, уходя по весенней степи, оставили за собой хорошо видимый след.

Этот тянувшийся по степи след нигде не прерывался, и безостановочно гнавший коней отряд Голдан-Нормы довольно быстро настиг уходившую от погони орду. Однако то ли ногаи что-то вызнали, то ли они просто посчитали дневной переход законченным, но, к своему удивлению, калмыки, надеявшиеся догнать растянувшийся по степи караван, неожиданно увидели перед собой небольшой холм, окружённый тройным кольцом связанных вместе кибиток.

За плотно уложенными на возы выюками прятались готовые биться татары, и участвовавший в погоне Ефремов подумал, что скакавший с ним конь о конь Голдан-Норма, увидев такое, смутится, но, к большому удивлению войскового старшины, сын Дондук-Омбо действовал уверенно и чётко. Вроде как без всякой команды, а просто по одному взмаху руки своего начальника калмыки со всех сторон окружили укреплённый стан ногаев и спешились.

Войсковой старшина, и сам сейчас ломавший голову, как подступиться к этому возникшему в голой степи почти что ретрашементу, никак не думал, что калмыки будут действовать в пешем строю. Он предполагал, что они ордой бросятся на сцепленные возы, но этого не произошло. Наоборот, табунщики быстро отогнали лошадей дальше в степь, а ещё войсковой старшина заметил, как мимо него пробежали несколько вооружённых мушкетами и фузеями калмыков.

Увидев это, Ефремов даже присвистнул от удивления. За чаепитием и разговорами он, похоже, проглядел, что, организовывая своё войско на новый манер, Дондук-Омбо не забыл отдать должное тактике. Войсковой старшина присмотрелся и увидел, что в ближайшем к нему отряде произошло перестроение. Вперёд вышли стрелки и открыли частую пальбу, сразу окутавшую их клубами дыма, а сгрудившиеся позади них лучники начали густо пускать стрелы так, чтобы они, падая сверху, поражали татар, прятавшихся за уложенными на возы выюками.

Ногаи, оборонявшие стан, защищались отчаянно, в упор стреляя по бросавшимся на возы калмыкам. Нападавшие откатывались назад и через малое время, перестроившись, снова упрямо шли на штурм. Неотрывно следившему за ходом атаки Ефремову стало ясно: подобная тактика в скором времени даст результат. И точно, в одном месте калмыки пробились к самым возам, после чего державшиеся в задних рядах копейщики рванулись вперёд, сбив отбивавшихся саблями ногаев с возов.

Оборона была прорвана, и калмыки, одолев тройную преграду, ворвались в стан, после чего там, между кибиток, похоже, началась настоящая резня. Что на самом деле делается за возами, войсковому старшине видно не было, но он, хорошо знакомый с обычаями степной войны, не сомневался: всё так и есть. Вдобавок, как понял Ефремов, защитная линия возов была прорвана ещё в одном месте, и теперь калмыки прорвались уже с другой стороны.

Схватка, длившаяся более двух часов, закончилась полной победой калмыков, и более чем двадцать тысяч пленников потянулись за отрядом Голдан-Нормы. Ефремов, держась рядом с колонной, так чтобы степной ветерок отгонял в сторону поднятую конскими копытами пыль, принялся думать, как всё сложится дальше. Однако весть о полном разгроме ногаев уже достигла предгорий, и Дондук-Омбо встретил Ефремова сообщением, что четыре главные орды непокорных ногаев, уstraшённые набегом, откочевали с Кубани и ушли в горы.

Дондук-Обо привёл своё войско на реку Егорлык и оттуда, по своему обыкновению, разослал лазутчиков, сообщивших, что татары, пройдя отроги, соединились и в удобном месте ожидают калмыков.

Понимая, что его сил недостаточно, Дондук-Омбо блокировал ущелья и целый месяц держал ногаев в осаде. Татары надеялись, что, когда у калмыков закончатся припасы, они уйдут, но на помощь Дондук-Омбо пришёл большой отряд донских казаков, и, опасаясь всё потерять, татары прислали своих мурз объявить о согласии всех четырёх орд принять российское подданство.

* * *

Большой шлаф-ваген – походное жильё и резиденция графа Миниха – без особого труда преодолевал степное бездорожье. Огромные, на железном ходу колёса своими широченными ободьями легко подминали разросшуюся траву, и только там, где на пути им попадал бугорок, дорожная карета со скрипом кренилась в ту или другую сторону, а затем, оставив позади очевидное препятствие, спокойно катила дальше. Впереди, по бокам и следом за вагоном шли полковые колонны, легконные разъезды прощупывали степь, а находившиеся в центре этого каре бычьи упряжки тащили пушки. Русское войско во главе с фельдмаршалом неспешно двигалось к Перекопу.

Предпринятая ранее диверсия, имевшая задачу внезапно ворваться в Крым, изначально не задалась. Генерал, которому поручили вести отряд, опасно заболел, та же самая история повторилась со вторым командиром, и только третий начальник повёл выделенный для этого дела корпус через Дикое поле. Задержка оказалась фатальной. Мало того что пришлось торопиться в тяжелейших осенних условиях, теряя лошадей и вдобавок не имея по пути ни одного опорного пункта, где можно было бы оставить заболевших или пополнить запасы. Когда до цели оставалось всего лишь десять переходов, необычно рано для этих мест выпавший снег заставил корпус остановиться и, ввиду ясно обозначившейся неудачи, повернуть обратно.

Эта конфузия не отвратила императрицу Анну Иоанновну от намерения продолжать войну. Более того, дабы обезопаситься от возможных татарских набегов, оборонительную линию, что тянулась вдоль Северского Донца и которую в общем-то прежде легко было преодолеть, значительно усилили крепостями, устроенными в опасных местах. Вдобавок создали ещё 20 ландмилицейских полков, заново наладили службу, и все попытки татар напасть кончились ничем. Что же касалось дальнейших военных действий, было решено ударить в двух направлениях: на Азов и Перекоп, обеспечив войска снабжением водными путями по Днепру и Дону.

Спасаясь от жары в тени вагена, фельдмаршал, будучи погружённым в свои думы, чуть ли не от самого полдня размышлял, глядя, как за окном медленно проплывает степной ландшафт. Ему были слышны скрип обозных телег, понукания возчиков, всхрапывание лошадей и тот слитный шум, который возникает при проходе военных колонн. Внезапно фельдмаршал уловил в общем мерном движении некий сбой и, тут же выйдя из кареты, велел подать лошадь. Однако едва Миних успел сесть в седло, как к нему подлетел всадник и сбивчиво доложил:

– Ваше высокопревосходительство, с дальней казачьей сторожи весть сообщают: татарва объявилась!

Фельдмаршал полуобернулся и приказал начальнику уже успевшего выстроиться позади эскорта:

– Труби алярм²². Дале сегодня не пойдём. Вели перед аванпостами рогатки ставить и пикинёров в линию, в каре строимся, – и сразу тронув повод, заставил коня с места идти скорой рысью.

С самого начала похода все ожидали появления ногаев, и тревожный сигнал был воспринят как должное. Правда, так срочно строиться в каре отряду пока не приходилось, и оттого

---

²² Тревога.

возникла некоторая сумятица. Ещё загодя Миних для борьбы с татарской конницей велел ввести в пехоте пикинёров с лёгкими копьями, которых полагалось ставить во второй линии строя, а для обороны лагерной стоянки изготовить тяжёлые рогаточные копья. Эти копья вместе с крепившими их опорными брусками везли в обозе, и сейчас замешкавшиеся были возчики, нахлёстывая лошадей, спешно выводили свои телеги, гружённые рогатками, чтобы вовсю гнать к аванпостам, уже стававшим перед строившимся в плотное каре войском.

Дабы быть во всём уверенным, фельдмаршал лично проследил за построением войск, убедился, что все защитные рогатки поставлены, а когда, объехав кругом занявший середину лагеря обоз, остановился у передовой линии и взгляделся в степь, где уже обозначилось движение передового отряда, то заметил, как к лагерю во весь опор мчатся несколько верховых. Миних решил, что, по всей видимости, это гонцы, и не ошибся. Подскакав, всадники с ходу сообщили, что татары напали и передовой отряд медленно отходит к основным силам.

Выслушав их, фельдмаршал приказал:

– Драгун сюда! – и пока это распоряжение выполнялось, прикидывал, что там, впереди, происходит и как лучше осуществить сикурс.

А там в это время уже шёл бой. Появившись словно ниоткуда, ногаи по первости лишь вились вокруг начавших отходить русских, а затем, собравшись толпой человек в двести, с диким воем кинулись вперёд и, подскочив на ружейный выстрел, пустили тучу стрел. Солдаты тут дали ответный слаженный залп, а стоявшие во второй шеренге пикинёры, уперев свои длинные копья в землю, уставили их в сторону противника, чтобы защитить от татар первый ряд фузилёров.

Однако прямой стычки не случилось. Сбитые пулями ногаи падали на землю, рядом валились раненые кони, в то время как уцелевшие татары, размахивая саблями, подскочили к самому строю. Казалось, вот-вот начнётся сеча, но степные лошади не пошли на острия пик, а принялись так шарахаться в сторону, что их всадники едва могли удержаться в седле. Нападавшие, сделав несколько отчаянных попыток, поняли, что разорвать плотный строй не удастся, отхлынули и, держась на приличном отдалении, опять принялись пускать стрелы.

Остановившийся было передовой отряд снова начал отход, и тут подоспела подмога. Посланные Минихом драгуны в конном строю начали обходить татар слева, в то время как возвращавшаяся к войску казачья сторожа внезапно показалась справа. Испугавшись обхода, ногаи порскнули в разные стороны и словно растворились в степи. Воспользовавшись неожиданной передышкой, русские скорым шагом отступили к лагерю и уже без помех укрылись за оборонительными рогатками, а их генерал, командир отряда, немедленно поспешил с докладом к фельдмаршалу.

Увидев, что подъехавший на рысях генерал не салютует как положено по артикулу шпагой, а прижимает рукой к щеке насквозь пропитавшийся кровью платок, Миних обеспокоенно спросил:

– Ранен?

– Татарская стрела зацепила. Не повезло... – с трудом, болезненно морщась, ответил генерал.

Было видно, что говорить ему тяжело, кровь, проступившая сквозь платок, уже приобрела бурый оттенок, но Миних всё же задал вопрос:

– Как татарва?

– Наскочили... – ответил раненый и, кривясь от боли, пояснил: – Но как мы пальбу начали... Ближе чем на сто шагов не подходили...

Генерал, заметно прижав пальцами платок, умолк, однако фельдмаршалу надо было знать больше, и он нетерпеливо бросил:

– Пленники есть?

Генерал лишь отрицательно помотал головой, Миних нахмурился, и вдруг откуда-то сбоку раздалось негромкое:

– У меня есть...

Фельдмаршал резко обернулся. Оказалось, что, пока он говорил с генералом, от рогаток тихо подъехала воротившаяся к войску казачья сторожа, и сейчас её начальник, оставаясь в седле, выжидательно смотрел на фельдмаршала. Первым желанием Миниха было осадить уж слишком вольно державшегося казака, но он сдержался и после недолгой паузы согласно кивнул.

– Ну, поведай, что вызнал?

– Хан со сотысячным войском в восьмидесяти верстах отсюда. Что мы идём, узнал дней за десять, а нападение делал Калга-султан.

– Выходит, хан рекогносцировку проводил... Умно. – Миних посмотрел на казака. – У тебя всё?

– Нет... – Казак сунул руку за отворот чекменя и, достав какую-то бумагу, протянул её фельдмаршалу. – Я цидулу привёз.

– Какую ещё цидулу? – удивился Миних и, принимая сложенный вчетверо лист, спросил: – Откуда взял?

– Запорожец-лазутчик доставил, – невозмутимо пояснил казак и добавил: – Запорожцы, они тут, в низовьях, все ходы знают...

– Ну-ну... – Миних развернул мятое письмо, прочитал, а затем, оторвавшись от текста, поднял голову и, встретив вопросительный взгляд генерала, сказал: – Наши люди ухитрились султанских гонцов перехватить. Теперь дают знать, что турки хану помощи слать не будут.

– Выходит, хан сам-один у Перекопа ждёт, – обрадовался генерал и, не отрывая платок от щеки, через силу заулыбался...

* * *

Парад и церемонию встречи было велено проводить на Потешном поле. Большой, имевшийся там, несколько вытянутый вдоль канала плац, до каменной твёрдости утопанный солдатскими башмаками, был загодя смочен водой, дабы не поднимать пыли во время царского смотра. Для самой императрицы на малом взгорбке, что пришёлся неподалеку от царского дома, был установлен роскошный балдахин, навершие которого украшал вызолоченный двуглавый орёл. Для прочих были сделаны лавки, отделённые от подлого люда (коего уже набегало сюда великое множество) деревянной балюстрадой, обитой по такому случаю малиновым бархатом.

Измайловский полк, которому назначили смотр, был построен едва ли не с самого утра, и мушкетёры, стоявшие «вольно», уже было помалу стали опираться на ружья, когда, наконец, показался царский кортеж, и под приветственный гром литавр императрица Анна Иоанновна вошла под балдахин. Затем над Потешным полем пролетел трубный сигнал, тотчас встрепенувшиеся офицеры начали бросать грозные взгляды на своих, мигом подтянувшихся гвардейцев, и по команде командира, в сопровождении барабанного боя, полк начал движение.

Прапорщик Григорий Нерода, одетый по случаю парада в зелёный мундир, украшенный красной оторочкой, со шляпой-треуголкой на голове, маршировал церемониальным шагом, сжимая обеими руками свой эспонтон. Перед собой он видел напряжённо выпрямленную спину капитана, командира его фузилёрной роты, а рядом с ним шли подпоручик и поручик. Сам же прапорщик был совсем рядом с гвардейской шеренгой, но офицеру казалось, что это именно на него смотрят из-под балдахина, и Гриць изо всех сил старался не ударить лицом в грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.